А.В. СОКОЛОВ

Национальная безопасность и национальная библиотека

Реферат. Цель исследования — осмысление миссии национальной библиотеки в системе национальной безопасности России. Определение национальной безопасности сформулировано на основе анализа государственных концепций и доктрин национальной безопасности. Национальная библиотека мыслится как гуманистический ресурс национальной безопасности, который защищен от информационных войн. В качестве компонентов национальной безопасности выступают: нация на уровнях — личность, общество, государство; национальные ценности в виде демографической стабильности, культурного наследия, благоприятной окружающей среды; опасности — враждебные явления, наносящие ущерб нации; виды безопасности — виды деятельности, необходимые для преодоления внешних и внутренних опасностей; ресурсы — социальные институты, обеспечивающие целостность и устойчивое развитие нации. Предложено также определение библиосферы как суперсистемы (системы систем), осуществляющей производство, сохранение, использование и дальнейшее развитие национальной книжной коммуникации. Компонентами библиосферы являются: профессионально специализированные социальные институты (издательское дело, полиграфическая промышленность, книжная торговля, библиотечное дело, библиографическое дело); библиофильское социально-культурное движение; коммерческие и некоммерческие объединения; государственные органы управления и цензуры и др. При рассмотрении доктрины информационной безопасности отмечено, что библиосфера не является элементом информационной сферы и объектом информационной безопасности. Культура представлена как ключевой фактор национальной безопасности. Охарактеризована дилемма милитаризации и гуманизации общества в постиндустриальную эпоху. Акцентируется актуальность формирования нравственной и творческой личности. Обосновано новое понимание социальной миссии национальной библиотеки.

Ключевые слова: библиография, библиосфера, библиотека, библиофилия, гуманизм, издательское дело, информационная война, книга, личность, национальная безопасность, национальные библиотеки, постиндустриальная эпоха, Россия.

Для цитирования: Соколов А.В. Национальная безопасность и национальная библиотека // Библиотекословение. 2019. Т. 68, № 3. С. 231–247. DOI: 10.25281/0869-608X-2019-68-3-231-247.

Постановка задачи

Как соотносятся «национальная библиотека» и «национальная безопасность»? Можно дать три разных ответа:

1) ничего общего между ними нет, и выяснять соотношения между ними — *псевдопроблема*, не заслуживающая внимания;

Аркадий Васильевич Соколов,

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, профессор
Дворцовая наб., д. 2,
Санкт-Петербург, 191186,
Россия

доктор педагогических наук
ORCID 0000-0002-7745-2174;
SPIN 7496-4193

E-mail:
sokolov1.spb@gmail.com

2) общеизвестно, что культура повышает жизнеспособность общества, поэтому библиотеки в качестве элементов культуры *по умолчанию* усиливают национальную безопасность, и тут изучать нечего;

3) национальная библиотека — гуманитарный ресурс национальной безопасности, защищенный от информационных войн в эпоху постиндустриальной цивилизации. Именно третий ответ нуждается в научном обосновании.

Задача настоящего исследования состоит в уяснении миссии национальной библиотеки в системе национальной безопасности России. Поскольку подобная задача решается в отечественном библиотековедении впервые, мы вынуждены обратиться, по крайней мере, к трем вопросам, которыми библиотековеды никогда не занимались. Во-первых, на основе анализа государственных концепций и доктрин национальной безопасности нужно сформулировать аналитическое определение национальной безопасности, где предусмотрено место для библиосферы (мира книжной коммуникации), включающей библиотеки всех типов. Во-вторых, желательно уточнить взаимосвязи библиосферы и основных видов национальной безопасности: военной, информационной, культурной, исходя из презумпции, что национальная безопасность зависит не только от оборонного комплекса, представленного в военных доктринах, но и от документированного культурного наследия. В-третьих, необходимо сформулировать содержание социальной миссии национальной библиотеки в эпоху постиндустриальной цивилизации. Новизна поставленной задачи предопределяет дискуссионность предложенных для обсуждения вопросов, а также выводов и рекомендаций, полученных в результате данного исследования.

Термин «национальная безопасность» является типичным *неологизмом* в отечественной лексикографии. Неологизм, как известно, «слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия» [1]. XIX в. не знал столкновений наций, поэтому статья «Безопасность» в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона была посвящена не международным конфликтам, а деятельности полиции по предупреждению и пресечению всевозможных неприятностей, включая «опасности от устного публичного слова и письма... могущие грозить благу отдельных лиц, общества и целого государства...» [2, с. 305].

Понятие «национальная безопасность» отсутствовало как в дореволюционных лексиконах, так и позднее в многотомных изданиях Большой советской энциклопедии (БСЭ). Правда, во втором издании БСЭ появилась статья «Безопасность международная», где говорилось, что «СССР стремится к укреплению Организации объединенных наций и неуклонно выполняет требования Устава ООН» [3, с. 388].

Вместе с тем в англоязычной политологии и журналистике термин «национальная безопасность» (National Security) бытовал с начала XX века. Авторство его приписывается американскому президенту Теодору Рузвельту (1858–1919), который в 1904 г. обосновывал присоединение зоны Панамского канала к США интересами «национальной безопасности». Понятия национальной безопасности и национальных интересов входили в геополитическую доктрину «большой дубинки» президента Т. Рузвельта, нацеленную на вытеснение европейских держав и господство США в западном полушарии [4, с. 87, 518–520].

Советская политика была ориентирована на иные цели, поэтому проблематика национальной безопасности не считалась актуальной и практически не разрабатывалась. Уделялось внимание лишь военным и политическим аспектам.

После распада Советского Союза ситуация кардинально изменилась, и в Большой российской энциклопедии, вышедшей в свет с 2004 по 2017 г., в отдельном томе «Россия» имеется обширный раздел о Системе национальной безопасности страны, Вооруженных силах, Совете безопасности и т. д. Кроме того, в томе 22 опубликована содержательная статья политолога С.Л. Ташлыкова «Национальная безопасность» [5]. Однако в них не учитывается функциональная зависимость между национальной безопасностью и книжной коммуникацией, которая обусловлена тем, что в фондах библиосферы концентрируются смысловые ресурсы (запасы, средства), необходимые для обеспечения национальной безопасности. Эта зависимость игнорируется и в государственных концепциях национальной безопасности России, принятых в эпоху индустриальной цивилизации.

Государственные концепции национальной безопасности в эпоху индустриальной цивилизации

Государственной Концепцией национальной безопасности Российской Федерации считается

одобренный руководством страны политический документ, выражающий официальную стратегию защиты жизнедеятельности личности, общества и государства. Первая редакция Концепции была утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 [6]. Правовой основой для нее послужил принятый 5 марта 1992 г. Закон «О безопасности», который определял государственную систему безопасности, ее функции, порядок организации и финансирования ее органов, а также контроль законности их деятельности. Безопасность определялась как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», а под жизненно важными интересами понималась «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства» [7]. Закон 1992 г. появился почти синхронно с Федеральным законом «О библиотечном деле» (1994), но логическая взаимосвязь между ними не обнаруживается. Эта взаимосвязь отсутствовала и во второй редакции Концепции безопасности, которую Президент РФ В.В. Путин утвердил Указом № 24 от 10 января 2000 года [8]. Следовательно, российские законодатели не принимали в расчет использование библиотечных ресурсов (скажем шире — библиосферы) для прогрессивного развития личности, общества, государства в эпоху индустриальной цивилизации.

Положение не изменилось и в начале XXI века. 13 мая 2009 г. Президент РФ Д.А. Медведев утвердил «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [9]. В этом обширном документе констатировалось, что между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, и возросла уязвимость всех членов мирового сообщества перед лицом новых вызовов и угроз. Вместе с тем утверждалось, что в Российской Федерации «в целом сформированы предпосылки для надежного предотвращения внутренних и внешних угроз национальной безопасности, динамичного развития и превращения Российской Федерации в одну из лидирующих держав по уровню технического прогресса, качеству жизни населения, влиянию на мировые процессы» [9]. Дефиницию безопасности, принятую в Законе РФ «О безопасности» 1992 г., дополнило опре-

деление национальной безопасности в следующей редакции: «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [9].

Назывались следующие источники угроз. В сфере военной безопасности — политика зарубежных стран, направленная на достижение преобладающего превосходства в стратегических ядерных силах, на милитаризацию околоземного космического пространства, производство оружия массового поражения, включая химические и биологические технологии. В сфере государственной и общественной безопасности источниками угроз объявлялась экстремистская деятельность, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, а также деятельность криминальных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом наркотиков, психотропных веществ, оружия и боеприпасов.

Соответственно государственной обороноспособности уделялось первостепенное внимание. Силую мощь воплощали Вооруженные силы РФ, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная или правоохранительная служба. В экономической сфере стратегические риски и угрозы виделись в сохранении экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики, неравномерном развитии регионов, в коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений. Вызывали беспокойство низкое качество среднего и высшего образования, ситуация в сфере здравоохранения и здоровья нации, а также засилье массовой культуры, ориентированной на запросы маргинальных слоев.

Средствами национальной безопасности считались программные, лингвистические, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы. Для повышения культурного уровня населения планировалось использовать отечественную кинематографию, культурно-познавательный туризм, телевидение и интернет-ресурсы. Вместе с тем книгоиздание, библиотечная система и библиография нигде на страницах Стратегии национальной безопасности Российской Федерации

до 2020 г. не упоминались. Видимо, библиосфера по-прежнему не считалась национальным ресурсом, функционально связанным с экономикой, качеством жизни населения, политическим и духовным единством общества, культурным уровнем народа. В духе рассмотренной Стратегии Государственная Дума ФС РФ приняла 7 декабря 2010 г. Федеральный закон «О безопасности», который начал действовать с 28 декабря 2010 года [10]. В этом документе также не отражена функциональная зависимость между национальной безопасностью и российской книжностью.

Конечно, опыт разработки первоначальных концепций национальной безопасности России нельзя недооценивать, но нельзя и не заметить его незавершенности. Неслучайно в научном сообществе появился проект «секьюритологии — науки о безопасности жизнедеятельности» [11], которая мыслится как своеобразная «философия безопасности», обобщающая многочисленные сочинения теоретического и методологического характера. Например, работы Ю. Кузнецова и В. Никольского [12], С.М. Иншакова [13], А.В. Шободоевой [14]. Ученые согласились, что феномен безопасности в постиндустриальную эпоху приобретает ключевое геополитическое значение и представляет собой абстрактную форму выражения жизнеспособности и жизнестойкости. Ясно, что безопасность — это не предмет, не процесс, не свойство, но сущностно-го определения безопасности у нас нет.

В официальных документах фигурирует очевидная, на первый взгляд, формулировка: «Национальная безопасность — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Ее недостаток — явная тавтологичность, ибо она сводится к суждению «безопасность — это состояние без опасности» (когда нет опасности). Кроме того, защищенность сужает содержание безопасности, ведь иногда разумные стратегии прибегают к превентивным наступательным действиям. Выходит, сущность безопасности вуалируется. Авторы-гуманисты в один голос повторяют, что главными источниками опасностей, угрожающих человечеству, являются безумный рост военных arsenалов и разрушение окружающей среды. Абсурдность научно-технического прогресса проявляется в том, что чем выше становятся технологические возможности цивилизации, тем больше природных и социальных ресурсов используется не во благо людей, а на создание смертоносного оружия и средств защиты от него. Становится все более очевидно,

что национальная безопасность нуждается в системно-теоретическом осмыслении.

Помимо политологов и правоведов, национальную безопасность в эпоху глобализации весьма активно обсуждают философы, социологи, лингвисты, информатики, культурологи, специалисты других общественных и гуманитарных дисциплин, вот только книговеды и библиотекеды, за исключением основоположника библиотечной политологии Н.П. Игумновой [15, 16], редко принимают участие в межнаучных дискуссиях. Может быть, именно поэтому библиосфера выпадает из государственных концепций национальной безопасности? Желательно выработать такое сущностное определение (дефиницию) национальной безопасности, которая была бы лишена этого недостатка. Как известно, определения понятий делятся на аналитические и синтетические. Если в систему знания вводится новый термин, такое определение считается синтетическим, а если определение раскрывает смысл ранее введенного неологизма, то оно именуется аналитическим [17]. Попробуем сформулировать аналитическое определение в виде суждения, раскрывающего сущность, системность, многомерность национальной безопасности с учетом ресурсов библиосферы.

Аналитическое определение национальной безопасности

В обществоведческих пособиях предлагаются многообразные формулировки. Например, в одном из энциклопедических словарей политологических терминов читаем: «Национальная безопасность — категория политической науки, которая характеризует состояние политических и социальных институтов, обеспечивающее их эффективную деятельность по поддержанию оптимальных условий существования и развития личности и общества. <...> В понятии национальной безопасности выделяют три уровня безопасности: личности, общества и государства. <...> В содержательном плане в национальной безопасности вычленяются различные области, к которым, в первую очередь, относятся: политическая, экономическая, военная, экологическая, информационная составляющие и безопасность культурного развития нации» [18]. Обобщая другие политологические, социологические, философские дефиниции, получаем следующее аналитическое определение: *национальная безопасность — комплексная характеристика видов деятельности и ресурсов, не-*

обходимых и достаточных для противостояния внешним и внутренним опасностям и обеспечения сохранения населения, культурного наследия и окружающей среды.

Достоинство данного определения заключается в том, что оно представляет национальную безопасность как комплексную характеристику целостности социальной системы, компонентами которой являются:

1) нация, представленная уровнями: личность — общество — государство;

2) национальные ценности, заключающиеся в демографической стабильности (сбережение народа), культурном наследии и благоприятной окружающей среде;

3) опасности — враждебные явления, наносящие ущерб нации в целом, отдельным ее элементам или окружающей среде;

4) виды безопасности — виды деятельности, необходимые для преодоления внешних и внутренних опасностей;

5) ресурсы — социальные институты, обеспечивающие целостность и устойчивое развитие нации. Рассмотрим более подробно системные компоненты национальной безопасности.

Понятие нации. Формирование наций связано с распространением в XVII — XVIII вв. просвещения и книгопечатания, обусловивших мануфактурное производство материальных благ и огнестрельного оружия, научно-технический прогресс и гуманистические утопии, шедевры литературы и искусства, ставшие основой национального культурного наследия. В мировой науке не существует общепринятого понятия нации, однако распространено определение нации как исторически сложившегося устойчивого человеческого общества (социума), образовавшегося на базе единства языка, территории проживания, экономической жизни и этнической консолидации, проявляющейся в общности самосознания и культурных норм. Отсюда понятия: «национальные ценности», «национальная библиотека», «национальные интересы», «национальная экономика» и др. В политическом лексиконе наций (nation) именуют всякое государство, которое является формой организации и гарантом безопасности общества. Оно выполняет, во-первых, внешнеполитические функции защиты суверенитета и территориальной целостности, отражения агрессии и налаживания международного сотрудничества; во-вторых, внутривнутриполитические функции поддержания социальной стабильности и правопорядка, улучшения экономической и экологической ситуации, борьбы с коррупцией и

организованной преступностью. Учитывая решающую роль государства во внешней и внутренней политике, национальную безопасность иногда отождествляют с государственной безопасностью.

Национальные ценности и интересы — это предметы и явления, удовлетворяющие потребности субъектов, образующих нацию, в безопасном существовании и прогрессивном развитии. Всякое государственно оформленное национальное общество основано на ценностях и существует до тех пор, пока эти ценности сохраняются. Когда ценности утрачиваются, нация распадается и прекращает свое существование. Критическое значение имеет соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства и их взаимная ответственность за состояние национальной безопасности. Кроме того, важным условием безопасности является отсутствие в жизнедеятельности человека или социума противоречий с окружающей средой, возрастание которых может стать опасным для субъекта. Ценными объектами, в безопасности которых заинтересована нация, являются отдельные личности и население страны, социальные институты и государство, окружающая природная и культурная среда (биосфера и социосфера), социальная память и материальное культурное наследие социума. Разумеется, национальная библиотека относится к числу важнейших национальных ценностей. Немаловажно заметить, что в постиндустриальную эпоху XXI в. обеспечение безопасности отдельной нации зависит от безопасности всего человечества. Поэтому национальные ценности и интересы перерастают в общечеловеческие, всеобщие, глобальные ценности и интересы, а локальные опасности — в глобальные проблемы. Приобретает актуальность глобальная (планетарная) безопасность, которая обсуждается на всемирных саммитах, регулярно созываемых, например, Организацией Объединенных Наций (ООН).

Опасности, беспокоящие человечество, по происхождению делятся на антропогенные, в том числе техногенные, умышленно или неумышленно создаваемые людьми, и естественно возникающие природные аномалии и катаклизмы. По форме проявления опасности осознаются в виде: внешних факторов, разрушающих целостность нации (военная агрессия, стихийные катаклизмы); кризисов (революций, болезней), вызванных внутренними противоречиями; угроз или вызовов (опасность на стадии перехода из вероятности в реальность); риска (оценка нежелательных следствий деятельности субъекта). Печальный опыт техногенных

катастроф показал, что от опасностей атомного века нельзя защититься государственными границами, заложниками атомных технологий стали целые регионы, страны и части света. Находясь под впечатлением аварии на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 г., немецкий социолог Ульрих Бек назвал современный мир, живущий «на вулкане цивилизации», — «обществом риска» [19]. В эпоху глобальной коммуникации национальная безопасность подвергается атакам информационных войн и «мягкой силы», способной достигать политических целей, не прибегая к материальным воздействиям [20]. Поскольку обеспечение абсолютной (идеальной) безопасности невозможно, современные нации реально существуют в условиях перманентных кризисов и угроз, планируя свои стратегии, ориентируясь на минимизацию риска.

Виды национальной безопасности, копирующиеся как *стратегические национальные приоритеты*, образуют разные конфигурации в индустриальных цивилизациях XIX—XX вв. и постиндустриальных цивилизациях XXI в., поскольку структура национальной безопасности варьируется в ходе социально-культурной эволюции. В цивилизованных государствах, располагающих книжной коммуникацией, традиционными видами национальной безопасности (стратегическими приоритетами) признаются:

- военно-политическая безопасность (национальный суверенитет, обороноспособность и боеспособность вооруженных сил);
- социальная безопасность (общественная стабильность, обеспечение стандартных социальных благ, приемлемый уровень социальной справедливости);
- правовая безопасность (соблюдение действующего законодательства органами власти и рядовыми гражданами, защита от преступности);
- духовно-нравственная безопасность (сохранение нравственных норм и уклада жизни, соответствующих национальному менталитету).

В условиях глобализации традиционные стратегические приоритеты считаются необходимыми, но недостаточными. В связи с появлением новых источников опасностей — экологических, демографических, энергетических, информационных возникает потребность в расширении структуры национальной безопасности постиндустриальной цивилизации, а также модернизации военной, экономической, политической, правовой деятельности.

Ресурсами национальной безопасности являются те социальные институты, которые

могут использовать свои идейные, технические, кадровые и прочие материальные и духовные средства для защиты национальных ценностей и интересов от внешних и внутренних опасностей, поэтому необходимые ресурсы национальной безопасности — это школа, церковь, государственное устройство, язык, социальная память и документированное культурное наследие. Понятие «социальный институт» трактуется в социологии по-разному. В качестве исходного примем определение: «*социальный институт* — относительно устойчивый тип и форма общественной жизни, посредством которых организуются стабильные отношения и связи в рамках конкретного общества, его части и всего человечества» [21]. Достоинство этого определения в том, что оно распространяется на «стабильные отношения и связи», существующие в мире книжной коммуникации, т. е. в библиосфере.

Библиосфера (мир книжности, книжное дело) мыслится нами как сложившаяся на индустриальном этапе цивилизации суперсистема (система систем), осуществляющая производство, сохранение, использование и дальнейшее развитие национальной книжной коммуникации.

Системными компонентами библиосферы являются:

- профессионально специализированные социальные институты (системы, или отрасли книжного дела), а именно: издательское дело, полиграфическая промышленность, книжная торговля, библиотечное дело, библиографическое дело;
- библиофильское социально-культурное движение, где могут создаваться общественные объединения, кружки, клубы по интересам, но эти объединения не являются социальными институтами, так как они удовлетворяют потребности не социума, а только своих членов;
- коммерческие и некоммерческие организации и добровольные объединения;
- государственные органы управления и цензуры;
- материально-технические средства, в том числе: полиграфическая и копировальная техника, здания и оборудование, телекоммуникационная и компьютерная техника.

Социальные институты, в свою очередь, дифференцируются на функциональные подсистемы: практика — образование — наука — управление — отраслевая коммуникация. Например, библиотечный социальный институт включает: библиотечное дело — образование

высшее, среднее и др. — библиотековедение — административные и методические органы — отраслевая печать. Национальные библиотеки являются символами национальной библиосферы.

Отраслевые проблемы библиосферы изучаются родственными, но относительно самостоятельными научно-практическими учениями (библиографоведение, библиотековедение, документоведение, история книги, библиополистика, эдициология [22] и др.), а общей проблематикой занимаются книговедение — комплексная наука (или комплекс наук) о книге и книжном деле, а также общая теория документа, или документология. Отечественные книго-, библиотечковедческие науки не занимались проблемами национальной безопасности, лишая тем самым библиосферу возможности стать ресурсом национальной безопасности России. Подобная безучастность неприемлема. Поэтому рассмотрим вопрос: каким образом в государственных концепциях и доктринах национальной безопасности постиндустриальной России предполагается использовать ресурсы библиосферы?

Милитаризация, кибербезопасность, культура

В русском языке *концепция* понимается как «замысел, теоретическое построение; то или иное понимание чего-нибудь; система научных и политических взглядов» [23]. Концепции национальной безопасности, рассмотренные выше, соответствуют данному понятию. Вместе с тем в международной практике используется термин *доктрина* в смысле «политическая система, руководящий политический принцип» [24]. В Российской Федерации в качестве официальных документов фигурируют Военная доктрина [25] и Доктрина информационной безопасности [26]. Доктрины представляют собой развитие и конкретизацию стратегических приоритетов, содержащихся в Концепции национальной безопасности, применительно к таким основным видам безопасности, как оборона страны и информационная кибербезопасность.

Военная доктрина устанавливает уровень милитаризации общества и официально принятый порядок действий для подготовки государства к войне, а также обороне и нападению. Военная безопасность представляет собой важнейший национальный приоритет и определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных

угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения...» [25]. Социальными институтами, обеспечивающими военную безопасность России, являются Вооруженные силы Российской Федерации, другие военные организации, а также оборонно-промышленный комплекс, созданный на основе крупных научных и индустриальных структур. В милитарных концепциях зарубежных держав также приоритетное внимание уделяется защите от внешних угроз военного и экономического характера. Так, в США National Security — собирательный термин, традиционно охватывавший проблемы внешней политики, в наши дни включает борьбу с терроризмом и кибербезопасность. В Великобритании считается приоритетом обеспечение независимости и территориальной целостности страны. Во Франции национальная безопасность отождествляется с «национальной обороной», предусматривающей использование вооруженных сил, дипломатии, экономики, науки и технологий для защиты интересов нации.

Военная доктрина Российской Федерации предусматривает развитие оборонно-промышленного комплекса путем «совершенствования кадрового состава и наращивания интеллектуального потенциала...» с целью «разработки и производства приоритетных образцов вооружения, военной и специальной техники в заданных объемах и требуемого качества» [25]. Очевидно, что для повышения интеллектуального потенциала кадров и разработки приоритетной военной техники необходимы ресурсы библиосферы и надежное библиотечно-информационное обеспечение, поэтому в Советском Союзе существовала обширная сеть, включавшая массовые, учебные и центральные научные библиотеки Министерства обороны СССР, основная задача которой заключалась в повышении культурно-образовательного уровня и идейно-нравственном воспитании рабоче-крестьянских военнослужащих. В постсоветской Военной доктрине об идеологической и морально-нравственной подготовке кадров речь не идет, поэтому не упоминается и сеть военных библиотек. Следовательно, для российской армии книжное довольствие не предусматривается, что, разумеется, не способствует обороноспособности страны.

Доктрина информационной безопасности — реакция российской верховной власти на наступление эпохи постиндустриальной цивилизации, которую символизируют два явления, порожденные информационной научно-технической революцией: во-первых, формирование

глобальной информационной сферы; во-вторых, практика информационных войн. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации под *информационной сферой* понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов Интернет, информационных технологий, а также субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий. Ставится задача «доведения до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации...», где центральная роль отводится электронным средствам массовой информации [26]. Библиосфера не числится объектом информационной безопасности, хотя общеизвестно, что книга — источник социальной информации, и библиотека — социально-информационная служба. Интернет давно уже стал средством справочно-библиографического и библиотечного обслуживания, а интеграция книжной и электронной коммуникации — российская реальность. Однако этот факт не нашел отражения в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации.

Информационная война определяется как воздействие посредством телекоммуникационных и компьютерных средств либо на массовое сознание противника (пропаганда, «психологическая война»), либо на военные и гражданские информационные системы (дезорганизация управления, подрыв экономики, разрушение коммуникации, хакерские атаки и т. д.). Большую популярность получила стратегия «мягкой силы», суть которой заключается в нравственной дезориентации массовых аудиторий, прежде всего — молодежи, мечтающей о легкой, богатой и веселой жизни. Традиционные этические и эстетические ценности вытесняются соблазнительными картинами удовольствий, развлечений, свободы и раскованности. Оказалось, что «мягкая сила» иногда покоряет народы и страны быстрее и дешевле, чем вооруженные армии. В качестве направления национальной безопасности активизировалась *кибербезопасность* (компьютерная безопасность), нацеленная на защиту информационных систем, сетей и программных приложений от несанкционированного доступа и враждебных воздействий. Нельзя не заметить, что в начале XXI в. информационная война и кибербезопасность в информационном обществе стали весьма популярными предметами обсуждения в

кругу отечественных философов и политологов. Например, исследования И.Н. Панарина [27; 28], Г.Г. Почепцова [29], С.П. Расторгуева [30; 31], Е. Токаревой [32]. Правда, никто из них не вспоминал о библиосфере и оцифровывании библиотечных фондов. Но было одно исключение. Гуманистическую роль библиотек в эпоху информационных войн очень компетентно и убедительно раскрыла Н.И. Гендина в статье, адресованной школьным библиотекарям [33].

Необходимо отметить, что законодательная власть России держит в поле зрения актуальную проблематику информационных войн. 26 июля 2017 г. был принят Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [34]. Под *критической информационной инфраструктурой* (КИИ) понимаются информационные системы, информационно-коммуникационные сети государственных органов, средства массовой информации, системы управления технологическими процессами в оборонной промышленности, области транспорта, связи, энергетике и других ключевых отраслях страны. В целях устойчивого функционирования КИИ в ситуации хакерских атак вводится четкое разделение обязанностей по обеспечению безопасности и установлены полномочия государственных органов, контролирующих нарушение или прекращение функционирования значимых объектов инфраструктуры. Предусмотрено также восстановление объектов КИИ за счет создания и хранения резервных копий необходимой для этого информации [35]. Обратим внимание на то, что в составе критической информационной инфраструктуры отсутствуют национальные библиотеки, располагающие электронными каталогами и значительными объемами оцифрованных фондов. Не учтен проект Национальной электронной библиотеки, предусматривающий создание государственной информационной системы, интегрирующей всю библиотечную сеть России в цифровую информационную инфраструктуру [36]. Национальная библиосфера не встроена в национальную инфосферу России. С точки зрения национальной безопасности этот факт можно приветствовать, ибо хакеры не смогут повредить бумажные книги.

Доктрина безопасности российской культуры отсутствует в качестве официального документа. Однако философы и культурологи давно обратили внимание на причинно-следственную связь между национальной культурой и национальной безопасностью. Отдавая ра-

зумную дань военно-техническому и экономическому обеспечению, они усматривают тем не менее именно в культуре ключевой фактор устойчивого развития России.

Еще в конце XX в. один из ведущих отечественных культурологов А.Я. Флиер детально рассмотрел культуру как фактор национальной безопасности постсоветской России [37]. Он убежден, что в современном государстве невозможно обеспечить приемлемый уровень безопасности только силовыми методами. Важная роль в укреплении национальной безопасности принадлежит институтам социализации и инкультурации человека, таким, как религия, образование, искусство, наука, средства массовой информации, книгоиздание, музеи и библиотеки. Действует следующий баланс социальной безопасности: «чем меньше средств вкладывает правящая элита в культуру и образование сегодня, тем больше она должна будет вложить их в милицию, юстицию и пенитенциарную систему завтра» [37, с. 187].

Культура как ключевой фактор и духовная составляющая национальной безопасности России детально и аргументированно рассмотрена в монографии С.Н. Бабурина, М.И. Дзлиева, А.Д. Урсула [38, с. 414–457]. Авторы утверждают, что «ключ к решению проблем национальной и международной безопасности сегодня следует искать не в экономике или геополитике, а в гуманитарной сфере общества, в решении проблем нравственности и духовной культуры» [38, с. 417]. Нельзя не обратить внимание, что политологи-гуманисты связывают проблему укрепления национальной безопасности с концепцией устойчивого развития, провозглашенной ООН. В заключении монографии они утверждают: «Переход России к устойчивому развитию предстает как объективная необходимость выживания страны и человеческой цивилизации в целом. Устойчивое развитие — это безопасное и гармоничное соразвитие человека, общества и природы, а не просто стабильное экономическое или экологическое развитие, как это иногда упрощенно представляется» [38, с. 462].

Тезис, что национальная культура является не только условием формирования нации, но и ресурсом национальной безопасности в XXI в., обосновывают культурологи В.И. Костин и А.В. Костина [39, с. 162–183]. В качестве наиболее важных национальных интересов современной России они отмечают те, которые связаны со сферой культуры: «сохранение духовных и нравственных ценностей нации, поддержание традиций гуманизма и патриотизма,

обеспечение реализации и развития творческой составляющей личности» [39, с. 162]. Напоминаю, что изобретение письменности и книгопечатания явилось предпосылкой формирования национального самосознания (современная русская национальная культура началась с литературного языка А.С. Пушкина), они делают вывод, что «разрушение национального языка неизбежно ведет к разрушению национальной культуры» [39, с. 181], т. е. угрожает национальной безопасности. Мы в принципе согласны с этим выводом, но предпочитаем более широкую формулировку: *библиосфера — необходимый культурный ресурс национальной безопасности России*.

Раздвоение государственной мысли.

Понимание государственной властью взаимосвязи между книжной культурой и национальной безопасностью страдает *двойственностью*. С одной стороны, как показывают концепции индустриальной эпохи и доктрины военной и информационной безопасности, приоритетом пользуются силовые технологии защиты целостности и суверенитета, не предусматривающие обращения к книжной культуре. С другой стороны, 24 декабря 2014 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ об утверждении «Основ государственной культурной политики», где провозглашается, что «государственная культурная политика признается неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [40]. Задачами государственной культурной политики являются: «усиление роли таких организаций культуры, как музеи, библиотека, архив, театр, филармония, концертный зал, дом культуры, в деле исторического и культурного просвещения и воспитания», «развитие книгоиздания и книгораспространения, совершенствование инфраструктуры чтения» [40]. Данный указ, имеющий силу федерального закона, фактически утверждает библиосферу в качестве ресурса национальной безопасности и поэтому предписывает «сохранение книги как вида печатной продукции, развитие отечественной традиции искусства книги», «сохранение библиотек как общественного института распространения книги и приобщения к чтению, принятие мер по модернизации их деятельности» [40].

Однако через год 31 декабря 2015 г., когда Президент РФ В.В. Путин утвердил новую редакцию «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [41] взамен

предыдущей «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года» [9], пришла пора недоумения. Концептуальная основа и даже формальная структура нового стратегического документа осталась без изменений, т. е. на уровне 2009 года. Стратегические цели и средства обеспечения национальной безопасности в области культуры дублировались почти целиком; по-прежнему ни о книгах, ни о библиотеках, ни о библиосфере нет упоминаний. Непонятно, каким образом в 2015 г. стратеги отечественной культуры рассчитывали без обращения к фондам библиотек обеспечить «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей», таких как «приоритет духовного над материальным... семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость... историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [41]? Выяснилось, что российская государственная власть федерального, регионального, муниципального уровня игнорирует взаимосвязи культуры и национальной безопасности. Если бы это было не так, мы не подсчитывали бы ежегодную убыль в пределах 700 публичных библиотек [42] и не сокрушались бы свертыванию книжного чтения. Раздвоение идеи российской национальной безопасности в наступающей эпохе постиндустриальной цивилизации заметно в стратегическом Указе Президента РФ В.В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», который он утвердил в день своей инаугурации, 7 мая 2018 года [43].

Дилемма стратегических приоритетов в постиндустриальную эпоху: пушки или Пушкин?

Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» нацелен на «прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие» страны в ближайшей перспективе [43]. С этой целью предусмотрено осуществление 12 приоритетных национальных проектов (программ) по направлениям: демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, автомобильные дороги, производительность труда, наука, цифровая экономика,

культура, малое и среднее предпринимательство, международная кооперация и экспорт.

Красной нитью через президентские документы проходят *стратегические задачи*:

1) укрепление национальной безопасности Российской Федерации путем усиления обороноспособности страны, развития национального согласия и совершенствования демократических механизмов;

2) обеспечение демографического роста, повышение качества жизни и укрепление здоровья населения;

3) трансформация науки и технологий как ключевой фактор экономического роста страны, переход к цифровым производственным технологиям (цифровой экономике), роботизированным системам, системам обработки больших объемов данных, внедрение машинного обучения и искусственного интеллекта;

4) противодействие терроризму и идеологическому экстремизму, обеспечение надежной информационной безопасности;

5) культурное и гуманитарное развитие страны в качестве основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, которое призвана обеспечить государственная культурная политика.

Перечисленные стратегические задачи фактически представляют собой стратегические национальные приоритеты, предусмотренные в Стратегиях национальной безопасности 2009 и 2015 гг., что оправдано, логично и соответствует привычной силовой версии. Но вот неожиданный *гуманистический мотив* в российской государственной политике. Главным условием реализации стратегических задач Президент РФ В.В. Путин назвал формирование модели *нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности*.

Естественно, возникает вопрос: откуда могут появиться «нравственные творческие личности», являющиеся главным условием «экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны» [40]? Ясно, что директивами верховной власти поколение таких личностей не создать. Здесь требуются гуманитарно-педагогические технологии, которые выпали из состава стратегических приоритетов национальной безопасности. Странно, что такие классические гуманитарные ценности, как «книга», «библиотека», «литература» не упоминаются. Например, 20 февраля 2019 г. в Послании Федеральному собранию Российской Федерации Президент РФ

В.В. Путин озвучил в качестве приоритетных и актуальных две задачи в области отечественной науки и культуры: во-первых, реализацию программы национального уровня в области искусственного интеллекта; во-вторых, создание не позднее 2023 г. в Калининграде, Кемерове, Владивостоке, Севастополе крупных культурно-образовательных центров. В этих центрах будут представлены ведущие музеи и театры, а также местные инициативы, связанные с краеведением, народным творчеством, сохранением исторического наследия [44]. В рамках национального проекта «Культура» предусматриваются значительные ассигнования на строительство и реконструкцию сельских клубов и домов культуры. Однако о книгоиздании, поддержке книжного чтения и библиотечном строительстве почему-то не упоминается, хотя они не в меньшей степени, чем искусственный интеллект и информатизация сельских клубов, способны служить формированию нравственного, ответственного, самостоятельно мыслящего, творческого поколения российских граждан и укреплению национальной безопасности страны.

Сопоставляя национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации на период до 2024 г., названные в указах В.В. Путина, поневоле сталкиваешься с *дилеммой* (выбором одного из двух конкурирующих решений): либо приоритет пушек в виде усиления обороноспособности и экономического роста государства; либо приоритет пушкинского идеала нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности. Эта дилемма решается в стратегических документах Российской Федерации двойственно и непоследовательно. Приоритет отдается военной доктрине, непосредственно питающей военную мощь страны. Формирование личности, отвечающей нормам национальной культуры, декларируется, но практически не воплощается, ибо отсутствуют соответствующие государственные программы, мобилизующие ресурсы образования и массовой коммуникации, психолого-педагогического воспитания и философии, искусства и религии, не говоря уже о библиосфере. В свою очередь, книговеды и библиотековеды пренебрегают государственными стратегиями национальной безопасности, считая, что они их не касаются. Для примера обратимся к недавно утвержденной Концепции развития Российской национальной библиотеки (РНБ) на 2018–2025 годы [45].

Миссия Российской национальной библиотеки

В последние десятилетия в российском библиотечном деле распространилась практика составления «концепций развития на период 5–10 лет». В зависимости от объекта рассмотрения можно выделить четыре группы концепций:

1) *локальные*, концентрирующиеся на отдельно взятой библиотеке, например, большой интерес вызвал проект Концепции развития Российской национальной библиотеки (РНБ) на 2018–2025 гг., который широко обсуждался библиотечной общественностью;

2) *отраслевые*, соответствующие библиотечным определенному типу;

3) *региональные*, охватывающие библиотечную систему республики (Карелия, Хакасия, Чувашия), края (Краснодарский, Красноярский, Ставропольский), области (Калининградская, Омская, Псковская, Ростовская, Самарская) в целом, либо только общедоступные библиотеки;

4) *общероссийские* (национальные), распространяющиеся на всю библиотечную сеть страны.

Эти концепции, создаваемые руководящими органами культуры или инициативными библиотечными работниками на местах, имеют много общего. Они редко адресованы массовому читателю или коллегам-библиотекарям, а чаще всего учредителям и органам власти, от которых библиотеки находятся в административной и финансовой зависимости. Назначение библиотек понимается однозначно: формирование библиотечного фонда, соответствующего интересам пользователей, организация библиотечного обслуживания, информирование и предоставление образовательных и культурно-досуговых услуг, активизация общественной и культурной жизни всех слоев населения. Отсюда примерно одинаковая структура концепций, включающая стандартные цели и задачи, решаемые библиотеками, законодательную и нормативную базу, статистические данные, достигнутые успехи в обслуживании читателей и технологическом процессе. Упоминаются, конечно, и «вечные» библиотечные проблемы: недофинансирование, межведомственные барьеры, пробелы комплектования фондов, отставание в информатизации, низкий уровень оплаты труда, неудовлетворительная (аварийная) материально-техническая база. Иногда энтузиасты-библиотекари указывают

риски, к которым может привести пренебрежение нуждами библиотек: невозвратимая утрата культурного наследия; разрыв с мировым сообществом в области науки; снижение уровня образования нации, усиление дегуманизации и криминализации молодежи.

К сожалению, убедительность библиотечных концепций умаляет тот факт, что они вовсе не являются теми концепциями, за которые их выдают благородные защитники библиотечного дела. Концепции могут быть обращены в прошлое, настоящее, будущее, и если концепция посвящена осмыслению развития какого-либо объекта в грядущий период времени, то это концепция *прогностическая*. Так, Концепция развития РНБ на 2018–2025 гг., в сущности, должна представлять собой *прогноз* РНБ на указанное время. Но этого не происходит. Дело в том, что те документы, которые сейчас именуются «концепциями» и претендуют на отражение «*будущего* развития наших библиотек», представляя собой не прогноз, а *справку-отчет о настоящем* положении того или иного учреждения. Главный недостаток этих «концепций» в том, что в них отсутствует анализ ожидаемой динамики внешней среды, например книжного рынка или состава читателей, поэтому нет расчетов роста фондов, изменения читательского спроса, потребности в кадрах, площадях, оборудовании и т. д. Разработанные библиотекарями «концепции развития библиотеки» прогнозами не являются, потому что их авторы не владеют методологией прогностики. Они обходят молчанием исходную посылку: какова должна быть *социальная миссия* библиотек в обществе будущего?

В Концепции развития РНБ на 2018–2025 гг. записано: «Историческая миссия РНБ — собирание, сохранение, предоставление в общественное пользование универсального фонда документов на всех видах носителей, отражающих накопленные человечеством знания и духовный опыт нации... и обеспечение гарантированного доступа настоящего и будущих поколений к интеллектуальным богатствам и знаниям» [45, с. 2]. Здесь отождествлены «социальная миссия» и «технологическая функция». Комплектование фондов и обслуживание читателей — это не миссия, а технологические операции, которые свойственны всем библиотекам и во все времена.

Миссия, представляющая собой воздействие на духовность общества, не остается стабильной, а изменяется с течением времени. Так, социальная миссия РНБ в XIX в. была иной, чем в советский период, а какой она может быть в 2025 г., остается загадкой. Ясно только, что со-

циальная миссия российских библиотек в обозримом будущем должна определяться вероятным прогностическим фоном. Прогностический фон, в свою очередь, зависит от того типа общества, в котором библиотекам предстоит существовать и с которым предстоит взаимодействовать. Для определения прогностического фона, допустим, России 2025 г., требуется переработать огромные массивы прогностических предположений, предсказаний, утопий и антиутопий. Тем не менее одну из главных тенденций, обозначенную в стратегических планах Президента РФ, можно предвосхитить. Актуальна *гуманизация* российского гражданского общества, формирование нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой когорты россиян. Вклад РНБ и библиотечного социального института в целом в национальную безопасность России должен состоять в использовании гуманистических ресурсов национальной документированной памяти для осуществления этой миссии. Здесь нужна научно-мировоззренческая методология, разработка которой — задача *библиософии как метатеории и философии библиосферы*.

Выводы и вызовы

1. Национальная безопасность — жизненно важная проблема человечества, субъектами которой являются: личность, Россия, антропосфера (сфера обитания людей на планете Земля). Каждому субъекту предъявлен исторический *вызов*, оправдывающий смысл его существования:

- *вызов личности* — реализации модели нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности (В.В. Путин);
- *вызов России* — реализация национальной русской идеи (В.С. Соловьев);
- *вызов антропосферы* — трансформация в ноосферу = сферу разума (В.И. Вернадский).

2. Государственная власть в концепциях, стратегиях и доктринах национальной безопасности отдает приоритет силовым средствам защиты внешних и внутренних интересов страны, пренебрегая ресурсами культуры и библиосферы, в том числе потенциалом национальной библиотеки. *Вызов*: нужно гармонизировать соотношение милитаризма, средств киберзащиты и гуманистической коммуникации в государственных стратегиях национальной безопасности; в противном случае невозможно реализовать в России исторически оправдан-

ные вызовы на реализацию модели личности, национальной идеи и проекта ноосферы.

3. Библиотечное сообщество дистанцируется от проблемы национальной безопасности, сводя социальную миссию библиотек к библиотечно-информационному обслуживанию населения и культурно-досуговым мероприятиям. Практичные учредители не заинтересованы в бесплатных услугах и финансируют библиотеки по остаточному принципу. В результате научно-познавательный, этико-эстетический и историко-культурологический ресурс российской книжности остается невостребованным, социальный престиж библиотечной профессии — низким, а национальная безопасность — ущербной. *Вызов:* профессиональным работникам государственной библиосферы не нужно мириться со своим маргинально-вспомогательным положением, а приобрести статус нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности.

4. Библиотечная наука не пользуется авторитетом в академическом сообществе и больше занимается прикладными информационными технологиями и историческими реминисценциями, чем противоречиями книжной культуры и кибербезопасностью библиосферы. Неслучайно проблема национальной безопасности никогда не обсуждалась на книжно-библиотечных форумах, и практики книжно-библиотечного дела не отдают себе отчет в том, что библиотечные коллекции в обороноспособности страны могут быть полезнее бесствольных систем полевой реактивной артиллерии по имени «Катюша». Библиотекведение, библиографоведение, книговедение, документология располагают обширным эмпирическим материалом, который нуждается в систематизации и обобщении. *Вызов:* Пора перейти на уровень *библиософии* — метатеории и частной философской дисциплины о библиосфере. Дialeктика книжной культуры в эпоху постиндустриальной цивилизации должна стать методологическим разделом библиософии; другой раздел философии библиосферы целесобразно посвятить защите библиосферы от варварской агрессии информационных технологий.

Список источников

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. Москва : Либроком, 2010. С. 261–262.
- Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Санкт-Петербург : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 3. 1891. С. 304–308.
- Большая советская энциклопедия / гл. ред. С.И. Вавилова. Изд. 2-е. Москва. Т. 4. 1950. 644 с.
- Словарь американской истории: с колониальных времен до Первой мировой войны / под ред. А.А. Фурсенко. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997. 730 с.
- Ташлыков С.Л. Национальная безопасность // Большая Российская энциклопедия. Москва. Т. 22. 2013. С. 181–183.
- Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 декабря 1997 г. Вып. № 52. Ст. 5909.
- Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 9 апреля 1992 г. № 15. Ст. 769.
- Указ Президента Российской Федерации от 10.01.2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927> (дата обращения: 30.05.2019).
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 30.05.2019).
- Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 3 января 2011 г. Вып. № 1. Ст. 2.
- Ярочкин В.И. Секьюритология: Наука о безопасности жизнедеятельности. Москва : Ось-89, 2000. 399 с.
- Кузнецов Ю., Никольский В. Введение в теорию национальной безопасности : Проблемы безопасности русского народа и современность. Алма-Ата : Верный, 1999. 808 с.
- Инишаков С.М. Методологические основы теории национальной безопасности : монография. Москва : Ruscience, 2017. 275 с.
- Шободоева А.В. Теория национальной безопасности Российской Федерации: учебник : в 2 ч. Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. Ч. 1. 174 с.
- Игумнова Н.П. Евразийское библиотечное пространство: контуры, проблемы, перспективы : [монография]. Москва : Пашков дом, 2006. 350 с.
- Игумнова Н.П. Международная библиотечная деятельность как объект библиотечной политики // Библиосфера. 2013. № 1. С. 3–8.

17. Бочаров В.А. Определение // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. Москва : Мысль, 2010. Т. 3. С. 154.
18. Энциклопедический словарь политологических терминов / сост. А.А. Голубев. Санкт-Петербург : Петрополис, 2013. С. 230–232.
19. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
20. Тузовский И.Д. Мягкая сила как основа культурной политики цифровой эпохи // Вестник культуры и искусств. 2019. № 1 (57). С. 91–96.
21. Тезаурус социологии : тематический словарь-справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва : ЮНИТИ, 2013. С. 218.
22. Шатрова М.Б. Эдициология как книговедческая дисциплина // Библиотековедение. 2013. № 2. С. 58–62. DOI: 10.25281/0869-608X-2013-0-2-58-62.
23. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. Москва : Аделант, 2014. С. 242.
24. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. С. 270.
25. Президент утвердил новую редакцию Военной доктрины [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47334> (дата обращения: 30.05.2019).
26. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 12 декабря 2016 г. Вып. 50. Ст. 7074.
27. Панарин И.Н. Информационная война и Россия. Москва : Мир безопасности, 2000. 159 с.
28. Панарин И.Н. Информационная война и Третий Рим. Москва : Баярд, 2003. 239 с.
29. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. Москва : Синтег, 2000. 179 с.
30. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. Москва : Вуз. кн., 2001. 468 с.
31. Расторгуев С.П. Введение в формальную теорию информационной войны. Москва : Вуз. кн., 2002. 119 с.
32. Токарева Е. Записки рядового информационной войны. Москва : Пресском ; Язуз, 2005. 398 с.
33. Гендина Н.И. Библиотека в условиях информационной войны // Школьная библиотека. 2015. № 8–9. С. 30–40.
34. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 31 июля 2017 г. Вып. № 31. Ст. 4736.
35. Ванцева И.О., Зырянова Т.Ю., Медведева О.О. Влияние Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» на владельцев критических информационных инфраструктур // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2018. № 1 (27). С. 71–76.
36. Родионов М.Д., Сахаров Н.А. Федеральный закон о Национальной электронной библиотеке и начало его реализации // Библиотековедение. 2017. Т. 66, № 1. С. 7–12. DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-1-7-12.
37. Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 181–187.
38. Бабурин С.Н., Дзалиев М.И., Урсул А.Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты. Москва : Магистр ; ИНФРА-М, 2012. 512 с.
39. Костин В.И., Костина А.В. Национальная безопасность современной России : экономические и социокультурные аспекты. Москва : ЛЕНАНД, 2016. 344 с.
40. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 30.05.2019).
41. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 4 января 2016 г. Вып. № 1 (часть II). Ст. 212.
42. Аврамова М.Б., Басов С.А. Общедоступные библиотеки России: мониторинг трансформаций. 2015–2017 гг. // Библиотечное дело. 2018. № 7. С. 2–9.
43. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14 мая 2018 г. Вып. № 20. Ст. 2817.
44. Послание Президента Федеральному Собранию 20.02.2019 г. [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 30.05.2019).
45. Концепция развития Российской национальной библиотеки на 2018–2025 гг. Санкт-Петербург : РНБ, 2017. 16 с.

National Security and National Library

Arkadiy V. Sokolov,

St. Petersburg State Institute of Culture, 2 Dvortsovaya Nab., St. Petersburg, 191186, Russia

ORCID 0000-0002-7745-2174; SPIN 7496-4193

E-mail: sokolov1.spb@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to understand the mission of national library in the system of national security of Russia. The author formulates definition of national security basing on the analysis of state concepts and doctrines of national security. The national library is conceived as a humanistic resource of national security, which is protected from information wars. The author considers the components of national security: the nation at the level of individual, society and state; national values in the form of demographic stability, cultural heritage, favourable environment; hazards — hostile phenomena detrimental to the nation; types of security — the types of activities necessary to overcome external and internal hazards; resources — social institutions that ensure the integrity and sustainable development of the nation. The paper proposes definition of bibliosphere as a super-system (system of systems), carrying out production, preservation, use and further development of the national book communication. The components of bibliosphere are: professionally specialized social institutions (publishing, printing industry, book trade, librarianship, bibliography); bibliophile social and cultural movement; commercial and non-profit associations; government authorities and censorship, etc. Considering the doctrine of information security, the author notes that bibliosphere is not an element of information sphere and an object of information security. Culture is presented as a key factor in national security. The paper characterizes the dilemma of militarization and humanization of society in the post-industrial era and emphasizes the urgency of formation of moral and creative individual. The author grounds the new understanding of social mission of the national library.

Key words: bibliography, bibliosphere, library, bibliophilia, humanism, publishing, information war, book, personality, national security, national libraries, post-industrial era, Russia.

Citation: Sokolov A.V. National Security and National Library, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2019, vol. 68, no. 3, pp. 231–247. DOI: 10.25281/0869-608X-2019-68-3-231-247.

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Librokom Publ., 2010, pp. 261–262.
2. Andreevsky I.E. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, F.A. Brokgauz, I.A. Efron Publ., vol. 3, 1891, pp. 304–308.
3. Vavilov S.I. (ed.) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, vol. 4, 1950, 644 p.
4. Fursenko A.A. (ed.) *Slovar' amerikanskoi istorii: s kolonial'nykh vremen do pervoi mirovoi voiny* [Dictionary of American History: From Colonial Times to World War I]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997, 730 p.
5. Tashlykov S.L. National Security, *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Moscow, vol. 22, 2013, pp. 181–183 (in Russ.).
6. Decree of the President of the Russian Federation of 17.12.1997 № 1300 “On Approval of the Concept of National Security of the Russian Federation”, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], December 29, 1997, issue 52, art. 5909 (in Russ.).
7. Law of the Russian Federation of March 5, 1992 № 2446-1 “On Security”, *Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 9 aprelya 1992 g. [Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Soviet Federative Socialist Republic and the Supreme Soviet of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. April 9, 1992], no. 15, art. 769 (in Russ.).
8. Decree of the President of the Russian Federation of 10.01.2000 № 24 “On the Concept of National Security of the Russian Federation”, *Prezident Rossii: ofits. sait* [President of Russia: official website]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927> (accessed 30.05.2019) (in Russ.).

9. National Security Strategy of the Russian Federation until 2020, *Prezident Rossii: ofits. sait* [President of Russia: official website]. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (accessed 30.05.2019) (in Russ.).
10. Federal Law “On Security” of 28.12.2010 № 390-FZ, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], January 3, 2011, issue 1, art. 2 (in Russ.).
11. Yarochkin V.I. *Sek'yuritologiya: Nauka o bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti* [Securitology: The Science of Life Safety]. Moscow, Os'-89 Publ., 2000, 399 p.
12. Kuznetsov Yu., Nikolsky V. *Vvedenie v teoriyu natsional'noi bezopasnosti: Problemy bezopasnosti russkogo naroda i sovremennost'* [Introduction to the Theory of National Security: The Problems of Security of the Russian People, and the Modernity]. Alma-Ata, Vernyi Publ., 1999, 808 p.
13. Inshakov S.M. *Metodologicheskie osnovy teorii natsional'noi bezopasnosti: monografiya* [Methodological Foundations of the Theory of National Security: monograph]. Moscow, Ruscience Publ., 2017, 275 p.
14. Shobodoeva A.V. *Teoriya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: uchebnik: v 2 ch.* [The Theory of National Security of the Russian Federation: textbook: in 2 parts]. Irkutsk, BGU Publ., 2017, part 1, 174 p.
15. Igumnova N.P. *Evraziiskoe biblioteknoe prostranstvo: kontury, problemy, perspektivy* [Eurasian Library Space: Contours, Problems, Prospects]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2006, 350 p.
16. Igumnova N.P. International Library Activities as an Object of Political Science, *Bibliosfera* [Bibliosphere], 2013, no. 1, pp. 3–8 (in Russ.).
17. Bocharov V.A. Definition, *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4-kh t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 2010, vol. 3, p. 154 (in Russ.).
18. Golubev A.A. (ed.) *Entsiklopedicheskii slovar' politologicheskikh terminov* [Encyclopedic Dictionary of Politological Terms]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2013, pp. 230–232.
19. Beck U. *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000, 381 p.
20. Tuzovsky I.D. Soft Power as a Basis of the Cultural Policy in the Digital Age, *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Culture and Arts Herald], 2019, no. 1 (57), pp. 91–96 (in Russ.).
21. Toshchenko Zh.T. (ed.) *Tezaurus sotsiologii: tematicheskii slovar'-spravochnik* [Thesaurus of Sociology: Subject Dictionary-Reference]. Moscow, YuNITI Publ., 2013, p. 218.
22. Shatrova M.B. Editiology as a Discipline of Bibliological Cycle, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2013, no. 2, pp. 58–62 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2013-0-2-58-62.
23. Ushakov D.N. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow, Adelant Publ., 2014, p. 242.
24. Kuznetsov S.A. (ed.) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998, p. 270.
25. The President Approved a New Edition of the Military Doctrine, *Prezident Rossii: ofits. sait* [President of Russia: official website]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47334> (accessed 30.05.2019) (in Russ.).
26. Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 № 646 “On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation”, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], December 12, 2016, issue 50, art. 7074 (in Russ.).
27. Panarin I.N. *Informatsionnaya voyna i Rossiya* [Information War and Russia]. Moscow, Mir Bezopasnosti Publ., 2000, 159 p.
28. Panarin I.N. *Informatsionnaya voyna i Tretii Rim* [Information War and the Third Rome]. Moscow, Bayard Publ., 2003, 239 p.
29. Pocheptsov G.G. *Informatsionno-psikhologicheskaya voyna* [Information and Psychological War]. Moscow, Sinteg Publ., 2000, 179 p.
30. Rastorguev S.P. *Filosofiya informatsionnoi voiny* [Philosophy of Information War]. Moscow, Vuzovskaya Kniga Publ., 2001, 468 p.
31. Rastorguev S.P. *Vvedenie v formal'nyuyu teoriyu informatsionnoi voiny* [Introduction to the Formal Theory of Information War]. Moscow, Vuzovskaya Kniga Publ., 2002, 119 p.
32. Tokareva E. *Zapiski ryadovogo informatsionnoi voiny* [An Information War Private's Notes]. Moscow, Presskom Publ., Yauza Publ., 2005, 398 p.
33. Gendina N.I. Libraries in the Conditions of Information War, *Shkol'naya biblioteka* [School Library], 2015, no. 8–9, pp. 30–40 (in Russ.).
34. Federal Law “On Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation” of 26.07.2017 № 187-FZ, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], July 31, 2017, issue 31, art. 4736 (in Russ.).
35. Vantseva I.O., Zyryanova T.Yu., Medvedeva O.O. Impact of the Federal Law “On Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation” on Owners of Critical Information Infrastructures,

- Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informatsionnoi sfere* [Bulletin of the Ural Federal District. Security in the Sphere of Information], 2018, no. 1 (27), pp. 71–76 (in Russ.).
36. Rodionov M.D., Sakharov N.A. Federal Law on the National Electronic Library and Beginning of its Implementation, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2017, vol. 66, no. 1, pp. 7–12 (in Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-1-7-12.
 37. Flier A.Ya. Culture as a Factor of National Security, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1998, no. 3, pp. 181–187 (in Russ.).
 38. Baburin S.N., Dzliev M.I., Ursul A.D. *Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossii: teoretiko-metodologicheskie aspekty* [National Security Strategy of Russia: Theoretical and Methodological Aspects]. Moscow, Magistr Publ., INFRA-M Publ., 2012, 512 p.
 39. Kostin V.I., Kostina A.V. *Natsional'naya bezopasnost' sovremennoi Rossii: ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty* [Modern National Security of Russia: Economic and Socio-Cultural Aspects]. Moscow, LENAND Publ., 2016, 344 p.
 40. Decree of the President of the Russian Federation of 24.12.2014 № 808 “On Approval of the State Cultural Policy”, *Prezident Rossii: ofits. sait* [President of Russia: official website]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/39208> (accessed 30.05.2019) (in Russ.).
 41. Decree of the President of the Russian Federation of 31.12.2015 № 683 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], January 4, 2016, issue 1 (part II), art. 212 (in Russ.).
 42. Avramova M.B., Basov S.A. Public Libraries of Russia: Monitoring of Transformations. 2015–2017, *Bibliotchnoe delo* [Librarianship], 2018, no. 7, pp. 2–9 (in Russ.).
 43. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 № 204 “On National Goals and Strategic Objectives of the Russian Federation's Development for the Period up to 2024”, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], May 14, 2018, issue 20, art. 2817 (in Russ.).
 44. Message from the President to the Federal Assembly, of 20.02.2019, *Prezident Rossii: ofits. sait* [President of Russia: official website]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (accessed 30.05.2019) (in Russ.).
 45. *Kontseptsiya razvitiya Rossiiskoi natsional'noi biblioteki na 2018–2025 gg.* [The Concept of Development of the National Library of Russia for 2018–2025]. St. Petersburg, RNB Publ., 2017, 16 p.

Анонс

Коваль Л.М. Любовь моя — библиотека: Краткая история первой общедоступной библиотеки Москвы. Москва : Пашков дом, 2019. 260 с. : ил.

В книге рассказывается об истории первой общедоступной библиотеки Москвы — предтече Российской государственной библиотеки с ее основания в 1862 до 2016 г., о людях, которые оставили след в ее истории, о тех, с кем рядом довелось служить автору на протяжении более полувека.

С гордостью за главную, одну из самых больших и известных во всем мире библиотек, за ее людей — бескорыстных тружеников на пользу Отчеству и благу просвещения, с гордостью за возможность служить рядом с ними автор ведет рассказ не как сторонний наблюдатель, а как непосредственный участник событий, вместе со всеми внося вклад в историю Библиотеки, культуры.

Справки и заказ изданий:

119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5

Российская государственная библиотека, Издательство «Пашков дом»
 +7 (499) 557-04-70, доб. 25-72; Pashkov_Dom@rsl.ru, Pashkov_Dom.Book@rsl.ru
http://store.rsl.ru/service/pashkov_dom